

А.А. Деленян¹,

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

СКЛОННОСТЬ К МЕТОДОЛОГИИ

Статья посвящена памяти выдающегося ученого-экономиста Николая Александровича Цаголова, а именно 110-летней годовщине со дня его рождения. В публикации уделяется особое внимание роли методологии в становлении новой парадигмы экономической теории и методологического семинара как важнейшего инструмента обработки фактического материала теоретиков, эффективно используемого Н.А. Цаголовым. В статье рассматривается структура методологического семинара, который уже много лет читается на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ. Отмечается коллективный характер научной работы, требующей и других форм построения науки, в целях разумной организации труда. Анализируются риски, свойственные широкому использованию методологических методов, а также вопросы, требующие внимания теоретиков-обществоведов.

Ключевые слова: методология, стратегический стиль мышления, плановое хозяйство, равновесие в экономической науке, функции методологического семинара, организация науки.

A.A. Delenyan,

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

THE APTITUDE FOR METHODOLOGICAL ANALYSIS

The article is dedicated to the memory of an outstanding scholar and economist, Nikolai Tsagolov, the 110 anniversary of his birth. Special emphasis is paid to the role of methodology in the development of a new paradigm of economic theory and methodological seminar as an essential tool for processing theorists' factual material, which was effectively used by N. Tsagolov. The article describes the structure of the methodological seminar for many years operating at the department of political economy of the Economics faculty of Moscow State University. The author emphasizes the collective nature of scientific work aimed at rational organization of labor. Attention is also drawn to the risks inherent in the widespread use of methodological techniques as well as the issues which require the attention of social theorists.

Key words: methodology, strategic thinking, planned economy, equilibrium in economics, functions of the methodological seminar, organization of science.

¹ Деленян Арут Андроникович, канд. экон. наук, доцент кафедры политической экономии экономического ф-та; e-mail: a.delenyan@gmail.com

Наука по своей природе — коллективное занятие. Она проистекает из свойств сложно организованной памяти (сознание как таковое тоже производное памяти). Коллективное занятие требует связи: иногда между современниками, иногда между поколениями.

Попробуем вспомнить не образ (это дело фотографов и скульпторов), а стиль мышления и действий Николая Александровича Цаголова, заведующего кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ — главной экономической кафедры СССР, а теперь России.

Оценка вклада Н.А. Цаголова и его школы в экономическую теорию, которая воспринималась в СССР исключительно как политическая экономия, требует и разбора некоторых системных ошибок последней. Без ошибок анализ, наверное, невозможен, но ошибки бывают разные. Во-первых, следует иметь в виду ошибки, обусловленные временем. Речь идет не об обычном линейном безличном времени. Социальное время таковым не является по определению. В известном смысле период СССР был сходен с героическими временами революции и Средневековья, когда личность играла решающую или почти решающую роль.

Поиск путей и «рычагов», действующих в обществе и непосредственно происходящих из политико-экономического анализа, всегда был предпочтителен для Н.А. Цаголова. И не только для него одного. Он был человек послереволюционного времени. Об этом времени А.П. Александров говорил: «...В Урановом проекте много полезного можно почерпнуть, если в нынешних условиях придется собирать воедино интеллект и материальные средства для получения из фундаментальных теорий таких выходов в практику, которые наиболее революционизируют действительность» [Смирнов, 2009, с. 18].

Одним из преимуществ Н.А. Цаголова как ученого вообще и экономиста в частности были исследования творчества Н.Г. Чернышевского — одного из самых оригинальных мыслителей России, сочетавшего практические действия и теоретические знания в области политической экономии, построившего свою систему политикоэкономической картины мира. Н.Г. Чернышевский был настолько оригинальным мыслителем, что ради знакомства с его публикациями К. Маркс собирался изучать русский язык. Н.А. Цаголов принадлежал к классической школе, так как неоднократно говорил о необходимости знания исторического материала для политикоэконома (ни в коем случае не политэкономиста — термина из новояза). Собственно говоря, требование, совершенно естественное для старой школы. Так, исторические исследования В. Зомбарта, Дж. Кейнса, С. Кузнеця, В.И. Ленина, К. Маркса, У. Петти, Ж.-Б. Сэя давали возможность им мыслить широко и

видеть место современности в историческом ряду². Поэтому обращение к историческим фактам и предшественникам в «Курсе политической экономии» было вполне естественным. Как говорил Н.А. Цаголов, политическая экономия должна служить исторической науке. Сейчас говорят иначе: история — главный заказчик. Это главное. Но не только.

Второе преимущество заключалось в практической работе Н.А. Цаголова в Госплане. Практика планирования в СССР ему была хорошо известна. Строить систему категорий необходимо так, чтобы она отражала реальные качества анализируемого общества. Эта сторона деятельности, а также производительность от времени революции хорошо отражены в книге «Судьба политической экономии» [Дзарасов и др., 2004].

Третье преимущество Н.А. Цаголова отчасти было обусловлено природным качеством, которое длительное время отшлифовывалось, а именно: интересом к вопросам методологии. Вообще говоря, это довольно редкое качество не только для экономистов, но и для ученых других направлений. В книге Н.А. Цаголова, посвященной реформам периода падения крепостного права в России, ставятся вопросы методологии исследования эффективности крепостнического, рабского и свободного наемного труда. И в этом вопросе он считал более правильными представления Ж.-Б. Сэя и ошибочными представления А. Смита. Однако природное качество само по себе не много значит.

Нельзя сказать, что кафедра политической экономии экономического факультета МГУ играла в 50-е гг. XX в. центральную роль. Создание первого учебника политической экономии социализма по результатам всесоюзного обсуждения 1951 г. было поручено К.В. Островитянову, а сам учебник вышел под грифом института экономики АН СССР. Это показывало, как оценивало руководство страны роль МГУ в экономических исследованиях.

После назначения заведующим кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ в 1957 г. Н.А. Цаголова он опубликовал тезисы о роли планомерности в экономической системе социализма, что она аналогична положению и роли товара в экономической системе капитализма, что методология «Капитала» К. Маркса применима к исследованию социализма. С приходом нового заведующего на кафедре активизировалась работа кафедрального методологического семинара. Трибуна методологического семинара была нужна Н.А. Цаголову для защиты положений тезисов. А настоящая защита предполагает развитие не только тезисов

² Кстати, предшественников у А. Смита в описании товарной экономики и разделения труда было много, в том числе Д. Дефо. Традиции много значат.

и самого автора, но и тех, кто участвует в работе семинара. Учебник политической экономии К.В. Островитянова, собственно говоря, был посвящен не политической экономии социализма (не бывает бесполой политической экономии), а политической экономии управляющих экономикой СССР, отражающей их позицию. Как не бывало до промышленной революции антифеодальных революций, которые бы не воспроизводили тот же самый феодальный строй, так и политическая экономия социализма решала задачи буржуазного развития и *управления обществом*. Участники всесоюзного обсуждения субъективно считали себя выразителями пролетарской позиции, что имело некоторое значение, но не более того. Объективные процессы навязывали себя и в сфере идеологии, и в сфере практики.

Вся беда политической экономии социализма заключалась в том, что политической экономии в классическом смысле она не содержала. В ней речь шла о неких странных «производственных отношениях», которые можно изменять, регулировать и т.д. Но само определение производственных отношений, данное К. Марксом, исключает подобную возможность. Эти отношения от воли и сознания людей (даже от коллективной воли и сознания) не зависят. В этом их объективный характер, они требуют исследования, поскольку субъекты вполне искренно могут считать, что существуют в некоем социуме, а реально характер социума совершенно иной.

Здесь к идеям К. Маркса, как ни странно, ближе всех монетарист Ф. Хайек. Он тоже (как нам представляется, вслед за В. Ойкеном) признает блок отношений, не зависящих от воли людей. Ф. Хайек называет их отношениями расширенного порядка и указывает, что это уникальная черта рыночной экономики. Можно только приветствовать, что Ф. Хайек признает отношения, не зависящие от воли людей. Марксисты называют их производственными отношениями. Однако вопрос наименования, разумеется, не существенный. Далее методологически закономерно было бы предположить, что подобные отношения характерны и другим порядкам (не только рыночным). Но Ф. Хайек не выдвигает такой идеи, ему мешает это сделать его методологический индивидуализм. Для Ф. Хайека это счастливая особенность рыночной системы. Именно она позволяет использовать так называемую рассеянную информацию [Хайек, 1992, с. 20]. Эта информация о факторах производства, благах и их применении объективно существует и является рассеянной в том смысле, что ею владеют самые различные субъекты, а рыночная система благодаря оценке данной информации позволяет рыночным агентам воспользоваться собственными преимуществами через систему цен.

Отметим также, что с переходом от классической школы политической экономии, где главная идея заключалась в развитии общества, а равновесие выполняло служебную функцию, к кембриджской школе А. Маршалла произошла смена акцентов — главной стала именно проблема равновесия, а развитие отошло на второй план.

Идея равновесия в общественных науках была не новой. Весь XIX в. в дипломатии, особенно европейской, царила она. В практическом плане она была служебной для поддержания статус-кво власти консервативных кругов. В конце XIX в. идея равновесия была воспринята экономической наукой, маржинализмом. Но поддержки дипломатии в этом вопросе было бы мало. Только дипломатического понимания равновесия для экономической науки было бы недостаточно.

Другое дело биология. Человек и человеческое общество — это в определенной степени всегда биологический организм и их совокупность. Антропогенез в общественном знании во все времена играл важную, далеко не всегда отрицательную роль. Вклад биологии и ее спутников в понимание общественной природы человека еще не завершен. Так происходило и с идеей равновесия. С медицинской точки зрения организмы, изменяясь, тем не менее в каждый момент находятся в известном равновесии, гомеостазе. Представление о гомеостазе, существовании двух сред — внешней и внутренней, — и о необходимости поддержания постоянства внутренней среды было введено в 1878 г. французским физиологом К. Бернаром. Идея о равновесии в биологическом смысле оказалась подходящей для экономической науки. Равновесие в медицине как гомеостаз включает в себя равновесие физическое как статический момент. Одно не исключает другого, но гомеостаз содержит в снятом виде физику. Равновесие в экономической науке представлено как в физическом смысле — колебания цен вследствие вмешательства в рыночный механизм, так и в целостном — изменения в целом рыночного механизма при сохранении капиталистического содержания (до известного предела).

Классическое направление экономической науки — политическая экономия — занималось в основном исследованием законов возникновения и развития рыночной экономики. Но законы системы были открыты прежде всего А. Смитом, Д. Рикардо. Их позиция базировалась на положении, что суть общества заключается в стремлении к росту. Можно обратиться и К. Марксу, проводшему синтез идей предшественников и показавшему, что законы прибыли Смиа ранней стадии капитализма и законы прибыли Рикардо развитой стадии суть единое. К. Маркс их назвал законами прибавочной стоимости. Есть выбор. Поэтому не следует пытаться

решить уже решенные проблемы, нужно двигаться дальше. Пришла пора проанализировать особенности. Так было с английской медициной, естественными дисциплинами. После выяснения сути процесса самое интересное и перспективное — как организм, механизм и т.д. функционируют в конкретных условиях, как развиваются. Результативность и форма ее проявления — это мода в науках, которые играют также не последнюю роль. Кстати говоря, и «Богатство народов» А. Смита, и «Капитал» К. Маркса представляли собой выход за границы экономики, включали ряд вопросов, имеющих отношение к социологии, праву, роли государства в экономике. Чистой экономики у классиков не было.

Вслед за австрийцами английский Кембридж ушел в частности системы, в описание поведения человека, фирмы, поиск *условий формирования равновесия*. Этими вопросами занимались Ф. Эджуорт, И. фон Тюнен, У. Джевонс, А. Маршалл. Исходя из теорий классической политической экономии Дж. Кларк удачно дополнил теорию предельной полезности с точки зрения используемого подхода — дифференциального — применительно к производству. Единый *математический* подход объединил общую теорию. Возникло явление, получившее название синтеза классической политической экономии и маржинализма, а на его основе сформировался неоклассический синтез П. Самуэльсона — Э. Хансена, что составило основу современного мейнстрима. При этом активно происходит заимствование идей математиков, медиков, физиков.

Экономическая наука, то, чем занимаются экономисты, теперь базируется на выводах политической экономии, политикоэкономической картине мира, но в исследованиях с поля, предмета экономикс, ушла классовая структура общества. Что интересно, произошел и параллельный процесс: из *политической экономии социализма* классовая структура общества тоже исчезла — какие же классы в бесклассовом обществе? В современном обществе предполагается, что классов нет. Общество базируется на классовой структуре, но оно так изменилось, что реальных классов уже не существует (по крайней мере, в исследованиях). Слишком одиозная картина современного общества проглядывается за этой пасторалью. Об этой картине время от времени появляются публикации: о том, что МВФ и Мировой банк десятилетиями борются с проблемой дифференциации в мире. Но дифференциация только растет. Такая интересная борьба.

А что же классическая политическая экономия? Как на практике: догоняющие страны занимаются развитием главного уклада, а ведущие уходят в отрыв в разработке новых технологий и сфер применения, так и в теории: ученые догоняющих стран продолжают изучение классических дисциплин. Так и формируется дотош-

ность немецкой и русской научных школ. Иначе говоря, зависимость здесь не только природного свойства, менталитет — отчасти производное явление от экономики.

Сам по себе методологический семинар не изобретение, его широко применяют ученые в естественных науках для разнообразных целей, и не обязательно для решения методологических задач. Так, он используется для обычной экономии времени, когда на него выносятся вопросы содержания новых публикаций. Если докладчик находит интересные постановки вопросов и их решения в новых статьях, диссертациях и книгах, то, как говорят одесситы, «на этот цирк стоит сходить». Ведь литературы, не содержащей действительной новизны, выходило и выходит очень много. Информационная революция еще больше перегружает общественное сознание и пространство. Иначе говоря, в ряде случаев методологический семинар используется эффективно, но формально не совсем по назначению. Доклады о новой литературе и ее содержании случались на методологическом семинаре кафедры политической экономии, но не часто.

Больше всего в методологическом семинаре нуждались исследователи. Первичную ступень семинара составляли проблемные группы. Исследовательская структура «проблемные группы — методологический семинар кафедры — методологический семинар факультета» работала полноценно не везде. Она, бесспорно, была нужна теоретической кафедре, другим кафедрам — по мере необходимости и при условии разработки новых курсов. При чтении стандартных и более или менее отработанных курсов на малых кафедрах такого рода структуры не нужны, полезнее теоретические семинары, но исследователи могут встраиваться в работу методологического семинара факультета.

Для советской экономической науки необходимо было соединение отчасти искусственно разъединенного предмета³. Раздробленность доходила до того, что, например, в некоторых вузах Ленинграда (теперь Санкт-Петербурга) существовали отдельные кафедры политической экономии капитализма и социализма. Противником подобного разделения был и Н.А. Цаголов. Он считал политическую экономию единой наукой с единым предметом и методом. Но нас интересует факт преодоления разъединенности исследований на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ. Методологический семинар кафедры был также инструментом преодоления разъединенности экономистов. На се-

³ В качестве определенной извинительности положения, в котором оказались политикоэкономы СССР, можно отметить тот факт, что социалистическое и капиталистическое разделение систем было признано всей мировой политической практикой и наукой.

минаре анализировали новую информацию о процессах в мировом пространстве, совместно обсуждали, как ее можно использовать.

Следует отметить кризисный характер политической экономии и методологии. Однако кризисны данные дисциплины по-разному. Интерес к методологии — признак кризиса в научной дисциплине — означает необходимость вернуться к исходным предпосылкам и принципам исследования, признание ошибочности всего пути, пройденного наукой, или его части. Интерес к политической экономии вызывается кризисным состоянием самого общества. При этом важно, что и кризисы бывают различными. Капиталистическое общество, «создавшее» кризисы перепроизводства, со временем адаптировалось к ним. Теперь особого методологического, да и теоретического подъема они не вызывают. А в начале XIX в. школа кардианцев давала крайне отрицательные прогнозы о судьбе капитализма. Другое дело — системные кризисы, такие, как великая депрессия 30-х гг. XX в., современный кризис в России с беспрецедентным спадом в экономике и длительной депрессией, возможно, нарастающий кризис в базовых отраслях экономики, проявлением которого является кризис в энергетических отраслях. Снова встает вопрос, правильно ли отражена в теоретических и практических разработках структура общества? Также актуализируется вопрос о кризисе политической экономии, потому что нельзя назвать по-другому положение, когда политическая экономия, главная задача которой определить этапный характер общества, на какой ступени развития оно находится, дает неверные ответы. Вопрос о построенном в СССР социализме относится именно к таким ошибочным утверждениям, как и вопрос о развитом социалистическом обществе. Почему были сделаны эти ошибки, почему оппонент политической экономии социализма, мейнстрим, принял эти утверждения за чистую монету, почему применялись разные методы исследования — для «капиталистического общества» с упором на хозяйственные уклады в нем, а для «социалистического общества» — на методы, основанные на преимущественно собственническом подходе, — с точки зрения общественно-государственной собственности разговор особый.

Что такое методологический семинар и какие в нем должны исполняться роли, известно давно. Казалось бы, можно всем пользоваться. Тормозит широкое применение многое, требующее самопожертвования во все времена, например, огромная организационная работа, мешающая публикации своих исследований. К тому же склонность к методологии встречается нечасто.

Исторически практика российских общественных отношений имеет интересную особенность — в определенный период они отставали от мирового и европейского уровня, потом догоняли его и

некоторые формы использовали вполне адекватно. Россия не знала классического рабства, а феодальная эпоха была представлена достаточно полно. Рыночные отношения на уровне капитализма свободной конкуренции отсутствовали, а монополистический капитализм был. Синкопическое развитие общественных отношений в России диктовало определенные формы их осознания.

Так, отставание в области научных исследований обществознания в России XIX–XX вв. компенсировалось тем, что в нашей стране даже в более поздние времена анализ в этой области велся преимущественно не специалистами-учеными, а писателями (в качестве примера можно привести «Физиологию Петербурга», изданную Н.А. Некрасовым в 1845 г., произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.И. Солженицына и т.д.). В Европе в XVIII–XIX вв. анализ общественных отношений вели ученые. Отсюда происходит и различие в инструментарии. Ученые тяготеют к количественным соотношениям, ищут способы измерения процессов, их задача — в основном объективный анализ, затем синтезирование явления. Писатели стремятся к описательным процедурам, изначально используют целостное художественное восприятие и ретранслируют его на ощущения массового читателя. Это субъективный процесс. То, что может делать один ученый, может сделать, используя тот же инструментарий, и другой.

В этой связи будет уместно дать определение методологии. Данный вопрос широко дискутировался на методологических семинарах кафедры политической экономии. Примерная формулировка следующая: это наука о методах науки, научного исследования. Именно поэтому она применима к любой дисциплине. В меньшей степени интересовал участников семинаров вопрос о методологии как общей базе исследовательских приемов вообще, а не только в научной области. Наверное, любая область человеческой деятельности включает методологический аспект. Не возражая относительно данного выше определения, в качестве дополнения можно добавить, что методология — это умение ставить правильные и своевременные вопросы о структуре и месте теории.

В этом плане, конечно, важно знать исторический и современный аспекты методологии, но не менее важно применять ее к теоретическим дисциплинам. Теоретические разработки методологии имеют свою ценность, но вопрос об их применимости требует методологического тренинга, практики.

Однако главная задача и предназначение методологического семинара — критика новых идей, их обкатка. Разумеется, критику можно получить и после публикации материала, но в ходе публикации тиражируются и не очень продуманные идеи, от которых автор в дальнейшем может отказаться. Но слово — не воробей, по-

этому приходится защищать и плохую позицию. Это верно не только в шахматах. Первоначально с критикой на кафедре было неплохо. Но со временем, так как Н.А. Цаголов стал более зрелым и опытным, да еще и начальником (как он сам говорил «начальство хорошим не бывает»), критика внутри кафедры ослабела. Конечно, полностью она никогда не исчезала, и на кафедре появлялись точки зрения, не совпадающие с основным направлением. Напомним наиболее значимые: позиция В.П. Шкредова о роли собственности как исходного пункта системы социализма; позиция Н.И. Шехета о товарных отношениях в аналогичной роли⁴ (об этом ученом, великолепном и стойком спорщике, нужно поговорить отдельно).

Нормальный методологический семинар всегда нуждается во внутреннем критике. Иногда, как в случае с Д. Ландау в области физики, роль внутреннего критика берет на себя руководитель научного обсуждения. Но, строго говоря, это не критик, а «сито», через которое не должны проходить проблемы, недостойные семинара. Такого рода «сито» было и на методологическом семинаре Н.А. Цаголова. Пока он вел его, он же и отсеивал неподходящие материалы, недостаточно продуманные идеи, плохо состыкованные понятия. Далеко не всякий доклад мог пройти через это «сито». Все материалы, если они признавались необходимыми для обсуждения, многократно обсуждались. На любимое детище Н.А. Цаголова времени не жалел. Только когда профессором стал А.И. Юдкин, ученый с совершенно явной методологической жилкой, а кроме всего прочего, явно не подверженный конъюнктурным колебаниям, ведение семинара было поручено ему.

Что касается Н.И. Шехета, то он выполнял роль внутреннего критика семинара. И за это его высоко ценил Н.А. Цаголов. Сам он с Н.И. Шехетом спорил очень остро, но не всем разрешал ввязываться в эти споры, понимая трудность положения внутреннего критика, возможность превратить научный спор в оголтелую травлю. Трудно сейчас сказать, понимал ли свою роль в семинаре сам Н.И. Шехет, но, видимо, Н.А. Цаголова она устраивала.

Суть всех споров на семинаре заключалась не только в обкатке новых идей, так рождались позиции, которые самим авторам первоначально не были ясны, выстраивалась научная парадигма со своими сторонниками и противниками, выявлялись ученые с аналогичными взглядами (так как представлять, что Н.А. Цаголов со своими идеями был уникален, — слишком явный романтизм). На конференции экономического факультета МГУ приезжали либо спорить, либо развивать идеи о плановом характере социалисти-

⁴ Позиция, близкая взглядам Я.А. Кронрода из Института экономики АН СССР.

ческой экономики. И основой всего процесса обсуждений был методологический семинар кафедры политической экономии.

Разработка методологических вопросов, даже при всей их справедливости, — не гарантия теоретической верности выводов. Ошибки всегда случаются. Но ошибки бывают легкомысленные, о чем писал в свое время К. Маркс, и глубокомысленные, когда теоретически вроде все правильно, но нет созревшего состояния предмета, и системное представление дает преувеличенное изображение не самого существенного явления, как, например, чрезмерная роль сельского хозяйства у физиократов. Какие ошибки хуже?

Важный элемент организации методологического семинара — его демократичность. Семинары, проводимые Н.А. Цаголовым, не имели временных ограничений для докладчика, но только при условии, что тот оставался в рамках доклада, во-первых, и методологического разговора — во-вторых. Борьба велась, как говорят, до последнего патрона: есть аргументы — выкладывай на стол. Иногда споры продолжались за полночь, потому что докладчик или критик разговор не закончил. Итогом такой работы было огромное внимание к сумасшедшим политикоэкономам. Поточные аудитории набивались битком. Интерес к такой политической экономии проявляли и физики: что за марксов метод применяют здесь и насколько он подходит для физических исследований?

Следует упомянуть также, что на методологических семинарах кафедры царил творческая, неформальная обстановка. Особенно острым был юмор Э.П. Плетнева. Сам Н.А. Цаголов не был очень сильным шутником, но юмора не чурался. Как-то один из профессоров кафедры счел, что поймал Николая Александровича на некотором непрофессионализме, и долго говорил об этом, хотя на самом деле сам заблуждался в постановке вопроса. Манера Н.А. Цаголова заключалась в том, что все замечания на семинаре он записывал на бумажках, чтобы при ответах не пропустить ничего существенного. На небольшое время он вышел из аудитории, чувствовалось, что он что-то ищет, вспоминает, потом вернулся. Профессор продолжал говорить. Н.А. Цаголов якобы подытожил: «Да, да, то, что Вы говорите, можно назвать “Ignorantio non est argumentum”⁵». На это профессор, не подозревая подвоха, отреагировал: «Именно, игнорирование в научном исследовании нежелательно». Семинар продолжался. Н.А. Цаголов был доволен: шутка удалась.

Уникальность цаголовской школы заключалась прежде всего в организации науки. Но и здесь без поддержки ученых в деканате и ректорате дело вряд ли пошло бы. Идеи всегда витают в воздухе. Но для их воплощения в жизнь нужны фанатики. Методологиче-

⁵ Лат. «Невежество не аргумент».

ский семинар кафедры политической экономии имел продолжение на факультетском уровне, потому что представители конкретных направлений должны были понимать свою роль в выстраиваемой парадигме.

Для политикоэкономических научных исследований по образцу с естественно-научными дисциплинами Н.А. Цаголов впервые в СССР организовал лабораторию. Круг обязанностей сотрудников лаборатории широк: от сбора информации для библиографии по политической экономии, обработки информации по зарубежной экономике до организации и проведения конференций. Таким образом, деятельность лаборатории заключалась в заполнении лакун в научно-учебной работе политикоэкономов. Иначе говоря, речь шла о получении, обработке и доведении до высших форм переработки информации, потому что в науке, как и в промышленном производстве, переработанное сырье ценится относительно дешево, дорого стоит продукция высоких уровней переработки (не обязательно в денежном эквиваленте). С точки зрения организации науки, кроме всего прочего, речь шла о частичном встраивании американской системы в отечественную, поскольку руководить лабораторией должны были самостоятельные ученые, хотя сама лаборатория подчинялась кафедре политической экономии.

Интересно следующее. В распоряжении Московского университета в настоящее время находится прекрасное здание фундаментальной библиотеки. Но даже если выписывать все зарубежные журналы, с точки зрения теоретиков, они являются лишь сырьем, которое требует дальнейшей обработки. И без первичной переработки, такой, какая была организована в библиотеке ИНИОН до пожара, т.е. с подготовкой и публикацией массива реферативных сборников по направлениям, затребованным факультетами, информация рискует превратиться в информационный шум. Определенной работой могли бы заниматься научные сотрудники университета. А в настоящее время каждый ученый в одиночку должен заниматься поисками ценных зерен. И дело не только в теории. Каково расстояние от фундаментальной науки до животрепещущей практики, редко, когда догадывается и сам исследователь. Но чем больше исследований в проблемных направлениях проводится, тем больше шансов выйти на практический уровень. Правда, до сих пор не решен вопрос хозяйственного механизма, способности довести модель, образец от инновации как нового явления, открытого ученым, до рентабельного продукта. Тем более что товарным продуктом в настоящее время является не отдельное благо, а связанная совокупность благ и услуг, их комплекс.

Сейчас большинству научных сотрудников МГУ по гуманитарным и естественным наукам приходится перерабатывать получа-

емую информации вручную. Н.А. Цаголов внедрял на кафедре полупромышленные методы переработки информации. Но эту идею осуществлял не только он. Так была организована работа в институте медико-биологических проблем АМН СССР: нужная информация поступала разнообразными путями, далее ее обрабатывали, так как даже устоявшейся терминологии по новому добытому оборудованию не было, затем в большом количестве выпускались реферативные и обобщающие материалы. Подобная предтеоретическая подготовка не только облегчает труд теоретиков, но и повышает его эффективность. Но что еще важнее, она совершенно необходима для формирования современных парадигм. На это нацелена работа ИНИОН РАН.

Научная работа по своей природе коллективна⁶ и требует разделения труда (лучше, если научно организованного), иначе неминуемы потери даже не столько денежные, сколько временные. Именно поэтому подобные отлаженные схемы обработки информации реализовывались там, где потери времени считались недопустимыми — в гонке вооружений, в космической сфере.

Н.А. Цаголов был абсолютно убежден, что человечество интересуется прямыми выходами науки на практику даже такой фундаментальной дисциплины, как политическая экономия, что у политической экономии они есть и их надо открывать.

Система категорий экономической науки, построенная на основе собственности, есть, по определению К. Маркса, либо буржуазный, либо мелкобуржуазный вариант системы. С этой точки зрения не играет существенной роли, на какой именно разновидности собственности основывается система — общественной (государственной) или частной. Вариант отношений, базирующихся на общественной собственности, например система Прудона, определяла стоимость товара как непосредственно общественный труд без и вне рамок промежуточного обмена. Кстати, прудоновские рынки и плановая экономика СССР имели ряд общих черт. Но прудоновские рынки, как было доказано и в теории и на практике, — это утопическая форма. Отсюда можно сделать вывод, что реальная система плановой экономики содержала утопические элементы.

В самом деле, как выстраивалась идеология сталинизма о построенном социализме? По большому счету она строилась на «пустом месте», так как тезис В.И. Ленина о случившейся в СССР совокупности отношений переходной эпохи никого (классы, со-

⁶ Так, всем известны успешные коллективные работы соратников К. Маркса и Ф. Энгельса, друзей в жизни и спорщиков в науке, Д. Рикардо, Д. Милля и Т. Мальтуса, а также и то обстоятельство, что А. Смит написал «Богатство народов» после знакомства и бесед с физиократами.

циальные группы) устроить не мог. Дело в том, что определенный тип целостности реализуется в обществе всегда. А тезис о переходном состоянии противоречит факту целостности. Высказывание В.И. Ленина в 1922 г. о том, что состояние СССР есть лишь чуть розоватое, а в целом государственно-капиталистическое, не соответствовало ожиданиям основных участников революционных процессов и гражданской войны. Для этого ли устраивалась революция? Хотя нужно упомянуть, что революции на практике случаются, а не делаются.

Но и политическая экономия социализма также являлась оригинальной, нестандартной исследовательской дисциплиной в духе марксизма. В ней доминировали конкретно-политические вопросы. Ее предмет составляла экономическая политика, правда, не сиюминутная, а более долгосрочного плана.

Поэтому переход от политической экономии Островитянова—Сталина к варианту политической экономии Н.А. Цаголова был попыткой вернуться в марксистское (пролетарское) русло политической экономии.

Н.А. Цаголов прекрасно понимал уникальность позиции создаваемого им учебника политической экономии и опасность растворения ее в других направлениях. Поэтому демократия на кафедре дальше внутренней критики Н.И. Шехета не разрешалась. А сторонникам демократии, способным к повторению позиции учебника К.В. Островитянова в еще одном варианте (их уже было несколько), Н.А. Цаголов предлагал покинуть кафедру и развивать свои взгляды в любом другом месте. Но наука не делается демократическим или деспотическим образом. Ей нужны новые идеи и их воплощения.

Необходимо заметить, что методологический семинар на кафедре политической экономии явно выполнял функции, аналогичные спецсеминару по «Капиталу» К. Маркса — развивал широту мышления, но не студентов⁷, а состоявшихся ученых. Этот компонент так же важен для исследователей, как развитие стратегического мышления для шахматиста. Не менее важно умение страте-

⁷ Системно в этом плане было организовано и повышение квалификации преподавателей на кафедре. Начинающий преподаватель, ассистент, начинал работу с проведения семинаров по курсу политической экономии капитализма, империализма и социализма. После прохождения каждого из этих курсов по 2–3 раза преподаватель допускался к проведению спецсеминаров по «Капиталу» или социализму. И только после всего этого допускался до самостоятельного чтения лекций, что и рассматривалось Н.А. Цаголовым как высшая форма преподавательской работы. Так росла квалификация студентов и преподавателей, которые, несомненно, зависят друг от друга и влияют друг на друга. Выпускники экономического факультета МГУ всегда отмечали: главное, что было получено ими на факультете, — это целостное понимание экономики, привитое на спецсеминарах.

гически мыслить для практиков. Стратегический подход частично компенсирует снижение *тактического* уровня мышления и видения проблем в старости, продлевает творческую деятельность исследователя. Можно говорить о том, что работа в методологическом семинаре формирует не профессионализм, с которым обычно все обстоит неплохо, а чувство меры, такта, исключительно важное для теоретика (как, впрочем, и для людей других творческих видов деятельности)⁸.

Озвучим еще одну мысль, возможно, не бесспорную. Она связана со стилем мышления. Человеческий мозг — аналоговая машина (не только вычислительная), которая может имитировать процессы, подлежащие исследованию. Политическая экономия занимается проблемами долгосрочными, что формирует стиль мышления и работы над публикациями политэкономов.

Большое количество сил и внимания, которые Н.А. Цаголов отдавал работе на экономическом факультете, не оставляли времени для собственных публикаций: их количество резко сократилось с тех пор, как он стал заведовать кафедрой политической экономии. За период 27-летнего руководства публикаций хватило лишь на трехтомное издание [Цаголов, 1982; 1983; 1984]. Конечно, в него вошло не все, так по чисто техническим соображениям в нем отсутствуют эпохальные тезисы 1957 г. (заведующий кафедрой, профессор — и тезисы!).

Стоит отметить еще один аспект личности Н.А. Цагорова, безотносительно к методологии, — понимание аудитории, соавтора любой речи, доклада и очень тщательная подготовка своих материалов. Лицом и манерой поведения, а также умением держать слушателей он был похож на Ираклия Луарсабовича Андроникова. К концу жизни Н.А. Цаголов мало посещал выездные конференции. Но на конференцию в Минске в 1984 г., где была сильная школа сторонников плановой системы, он поехал. Выступил Н.А. Цаголов весьма интересно, аудитория его слушала заинтересованно. После доклада Николаю Александровичу поступило предложение выступить в Госплане республики. Он отказался. На вопрос о причине отказа, ответил, что доклад хорош для аудитории, присутствующей на конференции, а в комитете она будет другая, что потребует значительной переработки материала.

Что касается известного учебника «Курс политической экономии», то это работа коллективная. Хотя, конечно, данный учебник — бесспорный памятник Н.А. Цаголову. И если в настоящее время вспоминают Николая Александровича, то за учебник. Конечно,

⁸ Так, К. Ваншенкин ставит знак равенства между чувством меры, вкусом и гениальностью [Марк Бернес..., 2005, с. 237].

попытки соответствовать таким критериям оценки деятельности ученого, как количество публикаций, цитируемость, сначала способствуют карьере, но часто погоня за ними становится привычкой, не дающей возможности подумать: «камо грядеши». НТР на современном этапе, компьютеризация в сочетании с интернетом дают возможность быстро создавать публикации с большим количеством ссылок на литературные источники. Можно сказать, что сейчас глубокомыслие не в моде. Но скорее всего все это до очередного кризиса. Тогда встанет вопрос, где же наработки теоретиков?

В развитии теории и теоретиков важную роль играет и индивидуальная склонность руководителя к вопросам методологии. Все ученые, которые становились заведующими кафедрой после Н.А. Цаголова, во время его руководства неплохо показывали себя в качестве докладчиков или критиков на методологическом семинаре. Но ни один из них не взял на себя обязанность реального постоянного руководителя после смерти Н.А. Цаголова, хотя формально все оставалось прежним: работы не было, по крайней мере постоянной. Возможно, на них повлиял отрицательный пример самого Николая Александровича, связанный с сокращением количества публикаций. Он начинал свой эксперимент с кафедрой политической экономии уже состоявшимся ученым, и для него, скорее всего, это было не так важно, как для других. Можно предположить, что вызывала опасения у новых руководителей и возможность неуспеха на пути поисков решений в области методологии. Все-таки методология такая же служебная дисциплина по отношению к политической экономии, как политическая экономия по отношению к истории. Как отмечалось выше, правильность методологической постановки вопроса — не гарантия успеха в теории. Еще один аспект — накопление критического материала: к позиции Н.А. Цаголова тянулись ученые со всей страны, им тоже были небезразличны найденные постановки проблем. Последние годы жизни Н.А. Цаголов посвятил воспитанию молодых ученых, занимавшихся методологическими проблемами, работавших над изданием «Комментариев к “Капиталу” К. Маркса» под редакцией Розенберга [Розенберг, 1983], готовивших к изданию курс методологии⁹.

Руководством экономического факультета МГУ определенное время рассматривался такой важный вопрос, как преподавание нового материала в форме новых курсов, дисциплин и т.д. Теперь даже создана кафедра философии и методологии экономики, изучающая современную проблематику.

⁹ Курс так и не был издан даже небольшим тиражом. Сейчас он мог бы представлять исторический интерес: таковы были взгляды в советский период.

Нельзя сказать, что внимание к проблемам методологии на кафедре политической экономии отсутствует совсем. Руководитель проблемной группы В.Н. Черковец до сих пор сохраняет настоящий интерес и стремление рассматривать вопросы методологии. Однако этого недостаточно. Методологические идеи, способные совершить переворот, отсутствуют. А они должны возникать не только у руководителей, но и у рядовых преподавателей. Поскольку идей нет, то и семинар в цаголовской форме представляется научным сотрудникам излишним. Заведующий кафедрой А.А. Пороховский пытается компенсировать отсутствие методологического семинара. Из прочитанного и написанного материала он лично делает рассылку для всех преподавателей кафедры. Иногда предлагаются новые материалы на обсуждение и другие преподаватели. Трудно сказать, понимают ли при этом сотрудники кафедры, что на самом деле произошел возврат к более старым формам взаимодействия ученых, более патерналистским по существу, когда ученый — это «сидящий рядом», а взаимоотношения учителя и ученика более характерны для научного руководителя и аспиранта.

В эпоху компьютеров произошел возврат к ремесленным методам переработки информации, где сам компьютер только технический инструмент. На кафедре политической экономии выросло поколение молодых преподавателей, не имеющих представления о практической методологии, знающих о ней только по литературным источникам, делающих элементарные ошибки. Представление о месте и роли своих исследований в общей структуре знаний должно осознаться самими учеными.

Методологический семинар по своей сути демократичен. В нем нет безоговорочных генералов, есть лишь отбор материала и его защита. В нем, возможно, есть место патернализму, но лишь до тех пор, пока кем-то не представлены новые факты и постановки. Тогда начинается война идей, а также их симбиозы и сочетания.

Возвращаясь к вопросу замены цаголовского семинара, следует сказать, что попыток построения нового курса предпринималось несколько. Одни оказались неудачными, невостребованными, другие, как курс А.В. Сидоровича, используются. Издан также курс «Общая экономическая теория. Вводный курс» (в 3-х кн.) под общей редакцией профессора А.А. Пороховского. Интерес к нему со стороны других вузов большой.

Необходимо обсуждать, на каких основаниях выстраивались эти курсы как с точки зрения авторов, так и *на самом деле*. То есть нужно выяснять действительные основания, так как представления авторов бывают иллюзорными. Но выслушать авторов следует обязательно, чтобы понять, где им удалось провести принципиальную позицию, а где пришлось пойти на компромиссы.

Теперь вернемся к вопросу о результатах, постановке новых вопросов или/и новых ответов. От научной школы следует ждать результатов и ответов.

Начнем с результатов. Результатом можно считать «Вводный курс», о котором речь шла выше. В нем удалось соединить проблемы политической экономии и экономикс. Но для такого издания требовалось накопление нового материала, без которого не бывает продвижения.

Об организационной стороне речь уже шла выше. Другое дело, что и кафедре, и всему факультету пришлось усиленно изучать предмет направления «мейнстрим», по своей идеологической сути тождественный политической экономии социализма, однако с противоположным знаком и значительным конкретно-измерительным содержанием. Об идеологической стороне дела неплохо свидетельствует Р. Хайлбронер, признавшийся к концу жизни, что после развала СССР, ему, с его социал-демократическими взглядами и склонностью к буржуазному комфорту, трудно было найти политическое направление по вкусу.

Изучение нового комплекса дисциплин небесполезно, тем более что их постановки в ряде случаев развивались параллельно (например, вопросы о планомерности в политэкономии социализма (Н.А. Цалогов) и актуализация вопросов макроэкономики в курсе П. Самуэльсона [Самуэльсон, 1994]). Напрашивается вывод, что, несмотря на внешнее несходство типов отношений в социалистических и капиталистических системах, основа их однотипна. Например, так было в Европе XVIII в.: в Англии капиталистические отношения функционировали в открытом виде, а в соседней Франции — в латентном, и политическая экономия была классической в Англии и физиократической во Франции. Нужен новый подход, чтобы соединить внешне различные системы. Новые виды неполной планомерности требуют изучения в контексте следующих вопросов: а что есть полная планомерность и каковы уровни развития плановости? В 1936 г. вывод о построении социализма в СССР (сталинский, правительственный, новой элиты) носил явно политический оттенок. Он опирался на доказательства, основывающиеся на характере собственности. Современными историками такой подход давно уже воспринимается как недостаточный, односторонний. К. Маркс именно так рассматривал систему категорий капитализма, однако вывод о капиталистической системе, базирующейся на собственности, воспроизводящей свои основания, считал возможным. В логике возможность и достаточность должны дополнять друг друга. Именно вывод о собственности вытекал из системы А. Смита¹⁰, но не К. Маркса.

¹⁰ Кстати, подобное рассмотрение у А. Смита предполагало определенную структуру общества (классовую) в качестве основы капитализма.

Накопление новой информации происходило с начала 1990-х гг. (на самом деле энтузиасты начали собирать новые материалы раньше), при этом сокращение финансирования заставило бывших политикоэкономов усиленно и быстро изучать направление «мейнстрим», что для понимания реального строя СССР, а следовательно, и современной России, дало не слишком много.

Другое дело, что экономического подхода для продвижении вперед недостаточно. И здесь встает вопрос о новых постановках междисциплинарного плана. Например, для новых видов отношений невозможно их проявление в чисто экономической оболочке. Исторический анализ показывает, что носителями экономических отношений (товарных) первоначально служили отношения биологические, генетические. Так, традиционно считалось, товарные отношения появляются на границе общин. Такое предположение сделал К. Маркс, и для советских экономистов это было: «Аристотель сказал». Но факты показывают, что, например, во времена пребывания Н.Н. Миклухо-Маклая в Океании промышленные продукты поступали в глубь островов очень быстро не за счет обменов между общинами, как можно было бы предположить, а вслед за женихами и невестами. Иначе говоря, генетические отношения изначально служили опорой, носителем экономических отношений. Потом экономика выделилась в самостоятельную сферу деятельности. А разграничение научных дисциплин особенно важно при междисциплинарных подходах. Важно понимать роль каждой стороны «оркестра».

Могут ли новые экономические отношения приобретать форму рыночных связей или они накладываются на них? А может быть, надо искать совсем в других областях общественной жизни? Точных ответов на эти вопросы пока нет.

Самые острые проблемы современного общества — социально-экономические, национальные отношения и религиозные распри. В настоящее время рассматривается вопрос о комплексных междисциплинарных связях, поскольку наиболее интересные открытия действительно обнаруживаются на стыке дисциплин. На практике взаимоотношения политиков с крупнейшими собственниками, религиозными деятелями и лидерами национальностей используются широко. Поэтому напрашивается анализ сильнейших общественных сил и выявление их возможных результирующих. Конечно, данные, полученные при совместных исследованиях экономистов и биологов, экономистов и географов, также могут оказаться интересными и многообещающими. Но стык взаимодействия самых крупнейших общественных сил не может остаться без внимания.

Принципиальным является вопрос о том, насколько противополжны рыночные и плановые отношения (насколько и как они

друг друга отрицают). Химия и физика в настоящее время научились соединять, казалось бы, несоединимые вещи. Возможно, в создании подобных институциональных артефактов должна преуспеть в ближайшем будущем и экономическая наука. Так, организация колхозов была стихийной инновацией казарменной организации общества в СССР, а кибуцев — в ведущем полувоенном Израиле. Надо продолжать поиски. Кстати, двухуровневая система в науке, предусматривающая кроме защиты кандидатской диссертации еще и защиту докторской, была не более чем гарантией качества для научного производителя в полувоенных экономиках догоняющего типа Германии и России. Рыночные экономики, ориентированные на быстрый результат (англосаксонская, японская и т.д.), подобной новации не приняли. Из всего это видна неоднородность Болонского процесса.

Одной из важнейших черт цаголовской школы политической экономии заслуженно является постановка вопроса об исходной категории социализма — плановости. Важно подчеркнуть, что, с одной стороны, такая позиция происходила из прямых указаний по этому вопросу К. Маркса и Ф. Энгельса и, во-вторых, за время, прошедшее между высказываниями обоих классиков марксизма по указанному вопросу и появлением школы Н.А. Цаголова, возникла еще одна школа, также утверждавшая приоритет плановых отношений. Речь идет о маржинализме в самых заметных его проявлениях. Дело в том, что маржинализм представляет собой теоретическое отображение системы, *сознательно управляемое* изначально на уровне индивида, предприятия, включающее ряды видов взаимодействия между ними, возражавшее по поводу наименований — капиталистический и конкуренция [Маршалл, 1983, с. 62–63]. Родство между политической экономией социализма и маржинализмом по этой линии несомненно.

Достаточно ли у исследователей наличия собственности и политической власти для вывода о полной плановости, а возникающее информационное общество требует на практике планового хозяйства (и никакие предостережения о пагубности здесь не спасут), *какого уровня* с теоретической точки зрения — это вопросы, требующие методологической проработки.

110 лет со дня рождения Н.А. Цаголова — хороший повод рассмотреть вопрос об исходном пункте теоретической конструкции и заметить, что есть несколько важных несоответствий в современном мейнстриме и практике. Какие проблемы не вписываются в описание теории? Всякая наука начинается с коллекции, гербария, т.е. накопления фактов, не укладывающихся в теоретическую картину. Коллекция требует известного расположения материала,

его классификации. Это еще не наука, только «преднаука». Она нуждается в разработке критериев, по которым будет отсортирован материал. Но сначала должны быть собраны факты.

Первый факт был обозначен еще В.И. Лениным и представлял собой отмеченную в начале XX в. реакцию мелкотоварного сельскохозяйственного производителя на усиление налогового гнета. С точки зрения мейнстрима реакция была прогнозируема и стандартна: сокращение объемов производства. Однако крестьянин для выживания достаточно часто отвечал расширением объемов запасов. Такая нестандартная реакция требует объяснения.

Второй факт касается капиталистического предприятия. Известно, что его функция — производство прибыли. Абстрагируемся от типов предприятий, которые не являются капиталистическими по своей сути (кооперативные, некоммерческие) и ставят перед собой иные цели, чем прибыль. Иначе говоря, будем исходить из понятия многоукладной экономики (других после первой технологической революции не бывает). Но нас интересует именно капиталистический тип фирм. В ходе военного коммунизма, частично в 1990-е гг., происходило интересное явление: фирмы переставали производить прибыль для собственников, создавая в некотором количестве потребительные стоимости. Иначе говоря, главный «мотор» капиталистического производства — фирма, предприятие, переставая производить прибыль, не выполнял своей основной функции. Если допустимо сравнение капиталистической фирмы с насосом, качающим прибавочную стоимость для собственников фирм, то здесь шло реверсивное движение — к другим субъектам капиталистического производства. При этом вместо производства прибавочной стоимости и прибыли происходило проедание основного капитала фирмы. Если подобное явление приобретает массовый характер, то происходит и проедание основного капитала страны. Отсюда возникает вопрос об условиях, в которых данный «мотор», или «насос», прибавочной стоимости действует правильно. В этой связи неслучайным представляется то обстоятельство, что формальному подчинению труда капиталу в первом томе «Капитала» К. Маркса посвящено почти 10% (1/11) материала (рассматривается, как именно происходило в Англии законодательное удлинение рабочего дня).

С теоретической точки зрения в «Капитале» К. Маркса речь и шла об определении условий, при которых «мотор» рыночной экономики заводится и работает. Иначе говоря, формальное подчинение — вечный спутник капиталистической, рыночной экономики. Каковы количественные границы и конкретные характеристики для отдельных стран — другой вопрос. Видимо, К. Марксу идея

«нащупать» эти границы импонировала¹¹. Поэтому дело не только в агитационном характере материала «Капитала» К. Маркса. Здесь не только агитационная задача, но и исследовательская. Так, анализ по существу докапиталистических форм эксплуатации в системе лагерей СССР, проведенный А.И. Солженицыным в книге «Архипелаг ГУЛАГ», продолжает исследование К. Маркса. Но в целом хотя уже и созданы условия для повсеместного сокращения рабочего дня, как и во времена просветителей, к которым относится и А. Смит, они вряд ли будут реализованы. Капиталистический характер мировой системы на усиление конкурентной борьбы отвечает усилением степени эксплуатации работников. Это всеобщий закон капиталистического накопления в действии.

Третье обстоятельство — вопрос об институциональных формах, точнее, об их мимикрии. Об этом речь шла выше. Существует разница между развитием новых отношений в открытой и латентной форме. Но исследование латентных форм требует специфических форм анализа.

Четвертое обстоятельство — вопрос о государстве. Его нельзя рассматривать только с точки зрения субъекта экономических и социальных преобразований или в контексте правовых отношений. Воздействие государства на общественные процессы неоднозначно. Иногда оно подталкивает их, иногда консервирует, а иногда просто «сминает», как в случае с «великим почином» железнодорожников в 1918 г. Можно заметить отсутствие тонкой моторики в его воздействии, формальность многих процессов. Таковы факты, требующие теоретической разработки.

Достаточно важным представляется также обстоятельство, касающееся формы исследования. Н.А. Цаголов утверждал, что планомерность должна выступать в качестве начала исследования нового строя, его экономической «клеточки». Однако к концу жизни он все больше склонялся к пересмотру позиции в пользу планового хозяйства. Аргументация в пользу такой перемены заключалась в том, что планомерность — категория абстрактная, а процесс восхождения требует в исходном пункте рассмотрения конкретного явления, в случае с капиталистической экономикой, капиталистическим обществом — товара, в случае со следующим за капитализмом обществом — планового хозяйства.

Политический вывод правительства И.В. Сталина в свое время перескакивал через этапы раннего формирования нового обще-

¹¹ Исследования по проблеме перехода от феодальных отношений к капиталистическим, проведенные И.М. Кулишером и Ф. Бродецем, отчасти заполнили первую лакуну, а определение границ эффективной заработной платы до сих пор является актуальной проблемой.

ства даже без завершения индустриализации в стране, не говоря об информационных технологиях. Необходимо вернуться к старым вопросам, решенным догматически, без свободных научных дискуссий. Конечно, дискуссии на других площадках имели место, в том числе при прямом участии преподавателей и сотрудников кафедры политической экономии МГУ, но ряд вопросов должен решаться на месте, для кафедры, для факультета. Свои ошибки следует исправлять цивилизованно. Нужно выстраивать свою парадигму, взяв все ценное из предыдущей ее конфигурации того времени.

Список литературы

- Бехтерева Н.П.* Магия мозга и лабиринты жизни. М.; СПб., 2007.
Дзарасов С.С., Меньшиков С.М., Попов Г.Х. Судьба политической экономики и ее советского классика. М., 2004.
Марк Бернес в воспоминаниях современников. М., 2005.
Маршалл А. Принципы политической экономии. М., 1983.
Розенберг Д.И. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса. М., 1983.
Самуэльсон П. Экономика. М., 1994.
Смирнов К. Как делали бомбу. Почему у физиков не было своего Лысенко? // Новая газета. 2009. № 96.
Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
Цаголов Н.А. Вопросы методологии системы политической экономии. М., 1982.
Цаголов Н.А. Вопросы теории политической экономии социализма. М., 1983.
Цаголов Н.А. Вопросы истории политической экономии. М., 1984.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

- Behtereva N.P. Magija mozga i labirinty zhizni, M; SPb, 2007.
Dzarasov S.S., Men'shikov S.M., Popov G.H. Sud'ba politicheskoy jekonomii i ee sovetского klassika, M, 2004.
Mark Bernes v vospominanijah sovremennikov, M, 2005.
Marshall A. Principy politicheskoy jekonomii, M, 1983.
Rozenberg D.I. Kommentarii k «Kapitalu» K. Marksa, M, 1983.
Samujel'son P. Jekonomika. M, 1994.
Smirnov K. Kak delali bombu. Pochemu u fizikov ne bylo svoego Lysenko? *Novaja gazeta*, 2009, N 96.
Hajek F.A. Pagubnaja samonadejannost'. Oshibki socializma, M, 1992.
Tsagolov N.A. Voprosy metodologii sistemy politicheskoy jekonomii, M, 1982.
Tsagolov N.A. Voprosy teorii politicheskoy jekonomii socializma, M, 1983.
Tsagolov N.A. Voprosy istorii politicheskoy jekonomii, M, 1984.